

Об одном алано-буртасоком имени в эпитафиях
волжских булгар XIV века

В последнее время наблюдается тенденция более дифференцированного подхода к материалу разных языков Восточной Европы, который обычно суммарно считался просто иранским. Здесь представляется важным разделить общий иранский вклад на различные хронологические и региональные пласты и определить для них конкретные языки-источники, причем целесообразно начинать с выявления наиболее молодого аланского пласта, поскольку аланы были последним ираноязычным народом Северного Причерноморья, который сменился тюркскими народами после определенного периода их сосуществования и конвергентного развития в сторону преобладания тюркского, а затем славянского элементов.

Антропонимы, представленные в эпитафиях волжских булгар, не были объектом сплошного исследования, поскольку ученые ограничивались исключительно выборочным анализом отдельных имен. К тому же фронтальное рассмотрение антропонимического материала пока затруднено как отсутствием издания корпуса этих надписей, так и общей недостаточной изученностью конкретного материала хотя бы в общем плане, однако можно было бы обратить внимание на предварительные наблюдения в этой области татарских исследователей Г.В. Юсупова, А.Б.Булатова и Ф.С. Хакимзянова¹. Но специально иранский пласт в системе личных имен волжских булгар не выделялся.

На болгарской эпитафии 1345 года, которая находится на кладбище "Ташбилге" (т.е.Каменный знак) на восточной окраине деревни Старый Баран (по-татарски Иски Рязяп, Иске-Рязяп или просто Рэджэп)Куйбышевского района Татарской АССР на Левобережье Волги, среди традиционных мусульманских формул на арабском языке читается чисто тюркская фраза с упоминанием имени Анбал:

انبال اوغلى حسن زيارتى ترور

'АНБАЛ 'ОГЛЫ ХАСАН ЗИЙАРАТИ ТУРУР

"Это место погребения Хасана сына Анбала"² (№ 80 по картотеке Ф.С.Хакимзянова).

Сравнительно недавно трудами Ф.С.Хакимзянова на другом памятнике того же кладбища в результате (впрочем эксплицитно особо не обоснованного) нового прочтения недатированной эпитафии был обнаружен, вероятно, фонетико-графический вариант этого имени امبال 'амБАЛ (вместо старого прочтения احمال 'аХМАЛ). Это сделано им при издании лишь частично сохранившейся недатированной надписи, где старое чтение:

امبال اول جعفر اول حاجى يونس بليکوى

'аХМАЛ 'ыВали Джа'Фар 'ыВали ХАДЖИ ЙУНУС БИЛКЮИ

"Это (намогильный) памятник хаджи Юнуса сына Джа'фара сына Ахмала" - заменено новым:

امبال اول حسن اول حاج بو بليکوى ك

'амБАЛ 'ыВали ХаСаН 'ыВали ХАДЖИ БУ БелКЮ КУ

"Это (намогильный) памятник хаджи Бу, сына Хасана, сына Амбала"³.

Ф.С.Хакимзянов, обнаруживая первоначально колебания в огласовке первого слога имени Анбал - Амбал (давая ее иногда как А̇-), в то же время решительно отождествляет эти два варианта: "Параллельное употребление n и m зафиксировано в двух памятниках из с. Иске-Рязяп Куйбышевского района ТАССР. Надгробья поставлены над отцом и сыном, а эпитафии составлены на двух разных (!) диалектах. Отцом хаджи Бу был Хасан, а его отцом - Анбал (надпись на j-диалекте), на другой каменной плите (принадлежность к какому-либо диалекту определить трудно, но это или t-, или ʃ-диалект) это имя написано как Амбал.

Видимо, данное явление нельзя назвать изменением n > m так как здесь мы встречаемся, с одной стороны, пожа-

луй, с традиционной нормой письма и, с другой стороны, с нормой произношения, которая наблюдается в ряде языков. Так, перс. سنبل sənbəl 'гиацинт, имя собств.' обычно читается как sənbəl; ср. тат., башк. унбер 'одиннадцать', но читается умбер и т.д."⁴

К сожалению, вне поля зрения исследователей осталась статья А.Б.Булатова "Личные имена у древних булгар (VI-XVI вв.)", который неудачно включил свои соображения об имени Анбал из эпитафий в раздел об именах булгар по данным Ибн-Фадлана (922 г.): "Сюда же можно отнести имя Анбал (ключник Андрея Боголюбского). Имя Анбал встречается и в надгробных памятниках Камских булгар XIV в". Эти соображения А.Б.Булатова стали как бы классическими и повторяются без ссылки на источник, но с тем же самым странным присоединением к булгарским именам у Ибн-Фадлана: "В эту же группу можно отнести имя Анбал (ключник Андрея Боголюбского), которое встречается и в надгробных памятниках Камских булгар, правда, уже несколько (четыреста лет - И.Д.) позже - в XIV в."⁵

Не зная о варьировании звуковой стороны личного имени Амбал ~ Анбал в булгарской эпиграфике, А.Б.Булатов также не указал, что и в русских источниках имя убийцы князя Андрея Юрьевича Боголюбского ключника Амбаль ~ Анбаль тоже варьируется и что в русской летописи содержится указание на этническую принадлежность этого лица. Ключник Амбаль (Анбаль) был ясин, что обычно истолковывается как осетин без всяческих оговорок. Варьирование Амбаль ~ Анбаль, обнаруживаемое в Ипатьевской летописи (л.207, 207 об., 208 об.) в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского⁶, имеет параллель и в осетинском языке, который справедливо считается потомком аланского (асского, яского языка), в виде колебания нарицательного существительного æmbal ~ ænbal "товарищ, спутник". Уже Вс.Ф.Миллер (вероятно вслед за П.Г.Бутковым) сопоставил имя этого ключника-ясина Анбаль точнее Аньбаль) в Лаврентьевской летописи⁷ с осетинским "анбал или амбал "товарищ, спутник"⁸,

что и было воспринято последующими исследователями, хотя фактически первым на осетинские связи имени Амбал – Анбал в общей форме указывал еще в 1825 году П.Г.Бутков: "Имя Анбалда и теперь употребительно у Осетинцев" (Северный архив, 1825, № 4, с.332), однако на П.Г.Буткова В.Ф.Миллер не сослался, как и впоследствии мало кто сослался на В.Ф.Миллера.

Осетинский язык действительно имеет в качестве первоисточника рассматриваемого имени нарицательное существительное æmbal "товарищ, спутник", которое в дигорском диалекте также представлено и формой ænbal.

В.И.Абаев дает об этом слове следующую этимологическую справку: "Из æm-bal, где æm префикс-(др.-иран. ham-), а bal 'группа или партия, находящаяся в походе' (см. bal, balc, balxð) первоначально 'товарищ по походу'; по составу и значению близко к русск. со-ратник. Слово æmbal / ænbal дважды засвидетельствовано в аланскую эпоху в качестве собственного имени, в русских летописях и в осетинской (аланской) надписи с р. Зеленчук. Из летописи мы узнаем, что у князя Андрея Боголюбского служил ключником ясин (осетин) Анбалъ, который в 1175 г. участвовал в убийстве князя. В зеленчукской надмогильной надписи (X-XII в.) в числе погребенных называются Пакада[r]н форт Анбалд и А[у]палдун форт Лак т.е. "Бакатара сын Анбалан" и "Анбалана сын Лаг". Форма Anbalan (современное ænbalon) есть усиление слова æmbal суффиксом -an (современное -on). Такая форма вполне могла существовать как в качестве собственного имени, так и нарицательно (ср. æmzærdæ 'единодушный' и т.п.). Таким образом в историю нашего слова мы с полным правом вносим и алан. апал (*æmbal) "товарищ". Известная в Осетии фамилия Æmbaltæ 'Амбаловы' также предполагает существование собственного имени Æmbal"⁹.

Сейчас к этому материалу В.И.Абаева представляется необходимым добавить личное имя امبال Амбал ~ انبال Анбал из булгарских эпитафий Поволжья.

Собственное имя Амбал ~ Анбал, конечно же, проникло в Поволжье к булгарам не прямо из осетинского языка, а из родственного осетинскому буртасского языка, идентичность носителей которого (буртасов) аланам была доказана на базе двух сохранившихся буртасских слов (этнонима буртас ~ фурдас и названия дерева страны буртасов خلنج, которое сохранилось как буртасское заимствование в мордовском названии березы киденг, килей, келу). В качестве потенциальных заимствований из буртасского языка следует рассматривать также отдельные слова в языках Среднего Поволжья, которые сейчас получают объяснения на базе осетинских соответствий¹⁰.

Буртасское имя Амбал ~ Анбал у волжских булгар на Левобережье Волги показывает, что здесь также проживали буртасы, хотя бы в период своей усиленной туркизации (XIV в.)

Если принять предположение Ф.С.Хакимзянова о том, что обе булгарские надписи с личным именем امبال Амбал ~ انبال Анбал относятся к сыну и отцу (а для этого предположения нет особых препятствий), то можно думать, что разные диалекты волжских булгар в двух цитированных семейных эпитафиях связаны с тем, что надписи делались не на родном языке покойных, а на двух имевших тогда распространение "кладбищенских" языках волжских булгар, у которых также происходило вытеснение старого булгарско-чувашиского языка более новым кыпчакско-татарским.

Наличие личного имени امبال Амбал ~ انبال Анбал в волжско-булгарских эпитафиях и рассказах летописи о смерти Андрея Боголюбского, а также аланская природа этого имени позволяют дать объяснение тому факту, что в некоторых русских летописных источниках, использованных В.Н.Татищевым, жена Андрея Боголюбского, принимавшая активное участие в убийстве своего мужа, именуется Ясыней, что историки иногда воспринимали как личное имя¹¹, а в "Тверской летописи" содержится указание, что она "Бѣ бо Болгарка родомъ, и дрѣжаше къ нему злую мысль, не проедино зло, но и просто, иже князь великий много воева съ

нимь Болгарскую землю, и сына посылал, и много зла учини Болгаром" (Полное собрание русских летописей, т. XV. СПб., 1863, стб. 250-251).

В.Н.Татищев в примечаниях к своей "Истории Российской" (т. III. М.-Л., 1964, с. 250), "из манускрипта Еропкина взяв, яко обстоятельнейшее, внес" следующее сведение о второй жене Андрея Боголюбского: "Княгиня Андреева сия была вторая, ясыня, но когда первая умерла и когда с нею он женился, того историки не показали".

Вероятно, зависимость от этих соображений В.Н.Татищева обнаруживает анонимная "Краткая роспись великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия" (См.: Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб, 1755, январь, с. 13: в качестве второй жены Андрея Боголюбского обозначена "Ясыня кажна II 77").

Термин ясыня указывал на этническую принадлежность к аланам (ясам), известным и под самоназванием ас, которое входило и в состав этнонима фурдас (ср. осет. фурд "большая река (т.е. Волга)" + ас = "речные аланы"), который более известен в туркизированной форме буртас¹², но последнее частное название заменено общим (без конкретизации).

Болгаркой жена Андрея Боголюбского именовалась, поскольку она происходила из Волжско-Камской Булгарии, в связи с этим термин болгарка указывает не на ее этническую принадлежность, а на территориальное и государственное происхождение. Здесь этноним болгарка выступал в качестве названия жителя (патронима), подобно тому как сейчас на Западе русскими именуется все граждане Советского Союза по наиболее известному и многочисленному народу этой страны.

Все сказанное о личном имени Амбал ~ Анбал у волжских болгар (и тесно связанных с ними аланских буртасов) делают излишним обращение к кавказским аланам (ясам) при исследовании обстоятельств убийства Андрея Боголюбского в самом конце третьей четверти XII века.¹³ Надо помнить также,

что свояченица (свесь) Всеволода Большое Гнездо (по сведениям Ипатьевской летописи: Полное собрание русских летописей, изд. 2-е, т. II. СПб., 1908, стб. 625) "Ясыня из Володимеря Соудальского" была выдана замуж за Мстислава Святославовича – сына Святослава Всеволодовича, великого князя Киевского – в 1182 году. Логичней думать, что ясы Владимиро-Суздальского княжества связаны с Волжской Булгарией и отождествляются с жившими на этой территории алаоноязычными буртасами.

Современное русское просторечное название рослого, сильного и (часто грубого) человека амбал не имеет отношения ни к рассмотренному личному имени Амбал, ни к источнику последнего – осетинскому нарицательному существительному эмбал.

Русское просторечное слово амбал "рослый, сильный человек" представляет собою получивший широкое распространение астраханский диалектизм восточного происхождения.

Любопытно, что в русские словари попадает сначала не само диалектное слово амбал (или анбал), а производное от него прилагательное анбальный, но употребленное в качестве существительного (субстантивированное прилагательное). Можно думать, что синонимичное существительному амбал, анбал субстантивированное прилагательное анбальный возникло в результате эллипсиса сочетания анбальный работник, которое следует найти в текстах.

В "Опыте областного великорусского словаря" (СПб., 1852, с. 2) зафиксировано существительное АНБАЛЬНОЙ "рабочий, переносящий тяжести в анбары, или обратно", как астраханское слово.¹⁴

Известный русский востоковед В. В. Григорьев, комментируя восточный материал этого словаря, идя в известной степени вслед за его дефиницией, в которой фигурирует слово амбары, дал фактически "народную этимологию" для этого слова: "Анбальный – испорченное анбарный или амбарный"¹⁵, что впоследствии нашло отражение в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля, но не получило дальнейшего распространения.

В «Дополнении к "Опыту областного великорусского словаря"» (СПб., 1858, с.2) отмечено астраханское существительное во множественном числе: АМБАЛЬНЫЕ "магарычи, взимаемые с нагруженной на судно клади".

Суммируя материалы "Опыта областного великорусского словаря" и "Дополнения" к нему, В.И. Даль опирался на этимологические соображения В.В. Григорьева и поместил эти два субстантивированные прилагательные в своем "Толковом словаре живого великорусского языка" в самом конце гнезда амбар, анбар: "АМБАЛЬНЫЙ астрх. дрягиль, рабочий, таскающий товары на суда и обратно в амбары; амбальные деньги, плата рабочим за нагрузку и выгрузку" (ч. I. М., 1863, с. 12). В дальнейших переизданиях эти сведения не изменялись, только в 3-м и 4-м изданиях И.А. Бодуэн де Куртенэ вынес этот материал за пределы гнезда амбар (анбар), не давая, однако, этимологических сведений.

Существительное амбал (анбал, амвал) было достаточно подробно и робко объяснено в "Словаре волжских судовых терминов" С.П. Неуструева (Нижний Новгород, 1914, с.6): "Амбалы (анбалы, амвалы) – Персы, рабочие в Астрахани и в портах Каспийского моря, занимающиеся, главным образом, разгрузкой и нагрузкой судов. В Астрахани амбалы, как состоящие преимущественно из персидских подданных, приезжают числом до 30 тыс. человек только на время навигации, на остальное же время года они удаляются в южные порты Каспийского моря и в Персию. На родине этот класс людей занимается нагрузкой караванов из судов и носит название "Хась-Паши", что собственно значит "люди, носящие собольи шубы". Так называют их в насмешку над их крайней нищетой и над их рваной одеждой, состоящей, обыкновенно, из грязных лохмотьев и заплат. Люди эти очень выносливы, – качество в жарком климате весьма важное, и крайне невзыскательны относительно пищи (большей частью питаются всякой дрянью, главным образом зеленью), одежды и жилища (большей частью проводят время за работой на пристанях, а спят на голой земле). Распорядитель над работами амбалов, такой же амбал,

только более смышленный, называется "Тамада"» (с.6). В статье Грузчик здесь же указывается: "К числу волжских грузчиков следует причислить и астраханских амбалов (см. амбал)". (с.66).

Нынешний "Словарь русских народных говоров" (М.-Л., 1965, вып. I, с.133, 250) дополняет сведения С.П. Неуструева несколько странной выпиской из рукописных материалов 1918 г. Б.Зайковской ("Этнографические материалы", "Словарик местных слов" – Архив АН СССР, фонд 197, опись 2 № 231/3 и № 131/2): "Перс – грузчик артели амбалов, работает на волжских пристанях среднего и низового плеса", – и привязкой этих сведений к Царицынскому уезду Саратовской губернии, т.е. относит слово к тому же Нижнему Поволжью.

Неоконченный академический "Словарь русского языка" (т. I, вып. 3, М.-Л., 1935 г., стб. 459) уточнил семантику слова и его распространение: "Название чернорабочих и носильщиков тяжестей на Кавказе и в портах Каспийского моря". Из этого указания на место употребления слова в его определении следует, что это слово региональное, т.е. областное, диалектное, хотя пометы относительно областного характера слова (обл.) при этом слове нет, хотя таковые есть при производных амбальничать "быть амбалом, носильщиком грузов" и амбальный.

Если не считать эпизодического употребления слова аммаль "носильщик, грузчик (в странах мусульманского Востока)" под 1665 годов в "Делах тайного приказа" (кн. 3. СПб., 1904 = Русская историческая библиотека, т. 23, стб. 1467), отмеченного "Словарем русского языка XI–XVII вв." (вып. I. М., 1975, с. 36): "Отъ носки киндяковъ ись Красильного роду до крамсарая, дано аммаломъ съ тысячи киндяков по полу–полтине"¹⁶, – то регулярное употребление слова амбал "грузчик, носильщик" в текстах начинается с первых годов XX века.

Как местный диалектизм слово амбал снабжается часто пояснениями внутри довольно обширного контекста:

Весело улыбаясь господин рассказывал:

– Приехал я в Баку, выхожу из вокзала. Извозчиков

не видно, только стоит несколько амбалов... А амбалы — это персы-носильщики; забитый народ, жалкий, за несколько копеек делают работу такую, что смотреть жутко. Идет, например, по улице и несет на спине-рояль! Один несет. Это вычные люди, и на них все смотрят как на животных... (В.В.Вересаев. Встреча (1902) — Сочинения в четырех томах, т. I. М., 1948, с. 424).

В русской письменной речи публицистического содержания каспийское слово амбал появляется также с начала нынешнего века. А.К.Панфилов указал мне на употребление этого слова в Ленинской "Искре" в разделе "Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов", причем первый случай употребления слова (в кавычках!) сопровождается пояснением в самом тексте (внутритекстовой глоссой). Авторы этого времени проявляют заботу о читателях, снабжая зачастую областное слово амбал пояснениями в тексте, в подстрочных примечаниях или в специальных комментариях в конце книги, иногда в виде кратких словариков (глоссариев).

"Мусульманское население в Баку самое многочисленное (по неточным сведениям здесь около 70 000 мусульман, около 50 000 тысяч (*sic!*) — армян, 30-40 тысяч русских, остальные — грузины, немцы, евреи, иностранцы. Мусульмане — большей частью персидскоподданные — приезжают сюда временно для заработков. Привыкнув у себя на родине к еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрят на Россию чуть ли не как на страну свободы и благополучия. К тому же крайне низкий уровень их потребностей делает их опасными конкурентами для рабочих-христиан и служит постоянной причиной взаимного недовольства и вражды. Из них-то состоит вся масса "амбалов", — рабочих на пристанях и низших промышленных рабочих. Обученных рабочих и ремесленников среди них нет" ("Искра", № 24, I сент. 1902 г., с.4: Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. Баку.)

"Строительные рабочие прекратили работу: маляры, плотники бастуют. Мостовщики бросают работу. Чернорабочие-поденщики не являются на биржу для найма. Даже жалкие из жалких — амбалы, персы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассе-

низаторы присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты, и требуют лучших условий труда!" ("Искра" № 45, I-го августа 1903 г., с. 7: Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. Всеобщие стачки на юге России).

Особая активность употребления слова амбал падает на 20–30-е годы, когда это слово в значении "носильщик, грузчик" иногда употреблялось даже без пояснений: .. не видно ни людей, ни собак, ни даже все выносящих, обугленных зномем, амбалов. (А.П.Бибик. На черной полосе (IX). М., 1922, с. 120).

Полсуток гремела река; она вторила водопаду; зверями они сцепились в лощине, где по берегам живет беднота, камнетесы, носаки-амбалы, извозчики. (Л.П.Пасынков. Человек в лесу (XXIII), Л.-Л., 1932, с. 173).

На углу у подступов к Гелатской крепости, стоит пожилой среднего роста амбал с торчащей вперед, как аршин, белой бородой. (Изв.ЦК, II июня 1934, за этот и ряд других примеров из Большой словарной картотеки Института русского языка АН СССР я обязан любезности В.Н.Сергеева, которому выражаю искреннюю признательность).

"...осипшими от царевой водки гусиными голосами тянут песнь про своего героя астраханские амбалы: Волга любит, чтобы на ней пели о Стеньке..." (Л.М.Леонов. Русский лес (гл. IV, 6) – Собрание сочинений в пяти томах, т. 6 (дополнительный) М., 1955, с. 184–185)

Однако слово амбал в значении "грузчик, носильщик" по-прежнему остается долго словом сугубо областным, что подчеркивается при эпизодических пояснениях, сопровождаемых подчас справкой о происхождении слова, но последняя оказывается не всегда удачной:

Он тоже любит изъясняться поговорками и хвастает, что пришел из Баку амбалом. (Ю.Н.Лебединский. Утро советов. М., 1959, с. 374. В сноске примечание: "Амбал – это носильщик; азербайджанское слово, вошло на Каспии в русскую обиходную речь").

Не вполне оправданно бакинское амбал противопоставляется астраханскому крючник:

Мать нанимает для деда двух грузчиков, которых здесь (в Баку) почему-то вместо "крючников", как в Астрахани, называют "амбалами". (Г.Холопов Гренада (ч. I, гл. I) М.-Л., 1963, с. 15. Любопытно, что в переиздании повести в 1969 году кавычки были сняты - с. 12)

Но далее слово амбал уже будет без кавычек и пояснения, будучи поясненным в самом начале произведения:

На лестничной площадке показывается амбал с тяжелой ношей на спине (там же, ч. I, гл. 7, с. 80)

"...По улицам бежали быстрые желтые реки, и амбалы, грузчики с плетеными из веревок торбами-паламами за спиной, переносили людей с одной стороны улицы на другую. (Е.Войскунский. Трудный путь воды. - Вокруг света, 1972, № 6, с. 5)

Волжско-каспийское слово постепенно становится даже словом кавказским, что отражается в факте не вполне закономерного включения этого слова в ценное и интересное учебное пособие Ивана Ефимовича Гальченко "Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа" (Орджоникидзе, 1975, с. 23). Но тексты показывают, что литературным языком слово осваивается плохо: употребление слова в тексте, как правило, сопровождается разного рода пояснениями:

Были только руки, и Гулям стал амбалом. На собранные товарищами деньги он купил палан и стал на углу, недалеко от литографии. Часто открывались железные ворота литографии, и Гулям в числе многих амбалов переносил громадные кипы бумаги во внутрь. (Н.Каграманов. Застрельщики. М., 1931, с. 13. В сносках внизу страницы: "Амбал - грузчик. Палан - приспособление для переноски тяжестей).

Амбалы носили мешки к нам в дом. Я стоял и считал мешки. Дядя Михак вычеркивал карандашиком по бумажке. Отпустив последнего носильщика, он величественно поднялся в комнаты. (Шагинян М.С. Гидроцентральный (I, 4). М.-Л., 1931, с. 16-17. С примечанием 27 на с. 360: "Амбал - носильщик, грузчик").

Молла Насретдин продал простыню, купил мешок муки и нанял амбала, чтобы отнести покупку домой. Амбал был чужой в ауле. (А.Ф.Назаревич. В мире горской народной сказки. Махачкала, 1962, с. 157. В "Словаре" на с.363: "амбал – носильщик").

Пришельцам всяким ты амбал

С пустою сумою, Дагестан

(С.Стальский. Избранное. Пер. с лезг. л., 1958, с.121.

Примечание на с.363: Амбал – грузчик, носильщик).

Появляется слово амбал и в произведениях со среднеазиатской тематикой (оригинальных и переводных), но и здесь оно также, особенно первоначально, снабжалось толкованиями, ибо подобно многим словам периферийной лексики (редким) местного характера воспринималось как заимствование из местных языков.

Где жили кручники–амбалы,

Где с трех сторон стояли скалы.

.....
Амбалы – верные друзья,

На берег вытащили друга

(Г.А.Санников, Красноводск (1951) – Г.А.Санников. Стихотворения и поэмы. М., 1972, с.270–271).

"Эй, Амбал! Сюда! Поможешь

Нам мешки перетаскать.

.....
На ходу подкинув груз,

Мелким шагом шел амбал

(Отам–Назаров. Батрак (поэма). Пер.Г.Веселкова. М., 1934, с.97–98. В "Объяснении туркменских слов, встречающихся в тексте", с. 189: Амбал – грузчик).

В Средней Азии конкурентом формы амбал выступает ее фонетический вариант хамбал, не получивший, однако, широкого распространения. Как местное проникновение слово хамбал со значением "носильщик, грузчик" попало в книгу А.В.Миртова "Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии" (Ташкент –

Самарканд, 1941, с.31 (§ 9) без иллюстративных примеров наряду с более известными тогда в этом регионе синонимом "ташишка ("носильщик", не от *taşci* ли каменщик, черно-рабочий? объясняют и контаминацией *taşımaq* и русского тащить) и новое тащильщик (во избежание явно отрицательной эмоциональности слова ташишка)".

Среднеазиатская форма хамбал русского диалектного слова амбал изредка попадает и сейчас:

По правде сказать,
Я извечный работник,
Хамбал и деллал я
И конох и плотник.

(К.Курбаннепесов Чырыяр – дехканский сын (сказка–поэма). Пер. Ю.Гордиенко. Алжбад, 1975, с. 26. Внизу подстрочные примечания: Хамбал – грузчик; Деллал – посредник).

В некоторых случаях русское диалектное слово амбал искусственно подгоняется под слова местных языков и ему придается орфографический облик близких по звучанию однозначных слов местных языков. Так, например, без учета истории бытования слова амбал в русских диалектах и без каких бы то ни было доказательств ошибочно включает слово амбал в число туркменских проникновений русского языка. О. Назаров в своей книге "Туркменские слова в русском тексте" (Алжбад, 1984, с.28,87,160), давая параллельно явно туркменизованную форму: амбал, хаммал "рабочий по переноске груза; носильщик", что еще как-то можно было бы допустить применительно к механистическому переносу туркменского арабизма в язык плохих переводов стихов:

Сутулше спины хаммалов
Давили тугие мешки

(Ш.Борджаков. Стихи о Красноводске).

Эту цитату с глухой паспортизацией мне проверить не удалось, но во второй иллюстративной цитате:

Ты был, Чарьяр,
Батраком и хаммалом,
Ты бед перенес
И страданий немало, –

сравнительно с источником (К.Курбаннепесов. Чарыяр – дехканский сын (сказка–поэма). Пер. Ю.Гордиенко. Агжабад, 1975, с.40) произведена недопустимая орфографическая правка: написание и форма хамбал источника почему–то подогнаны под орфографию и форму туркменского языка хаммал.

Особенно часто русский диалектизм амбал подгоняется под формы других языков в двуязычных словарях с переводом на русский язык. Ср.: Д.А.Магазинник. Турецко–русский словарь. М., 1931: hamal – носильщик, хамал, амбал (2–е изд., 1945, с. 230 то же); Турецко–русский словарь. М., 1977, с. 381; hamal – хамал, носильщик, грузчик; Гагаузско–русско–молдавский словарь. М., 1973, с. 517: хамал 1. 1) носильщик; грузчик; хамал; 2) перен. раб, рабский; П. 1) терпеливый, выносливый; 2) грубый, неучтивый, невежливый.

В "Кумыкско–русском словаре" под ред. З.З.Бамматова (М., 1969, с.117) кумыкский устаревший арабизм гъаммал переводится на русский язык: "хаммал, носильщик", где первое "соответствие" только вызывает недоумение ненужной кумыканизацией слова амбал.

Гораздо более правильное решение находим в "Лезгинско–русском словаре" Б.Талибова и М.Гаджиева (М., 1966, с.99) "гъамбал амбал обл., носильщик".

Еще будучи поволжско–кавказским диалектизмом, слово амбал "грузчик, носильщик" дало русскому языку ряд производных: прилагательное амбальный, употреблявшееся и как существительное, а также глагол амбальничать.

В академический "Словарь русских народных говоров" (М.–Л., 1965, вып.1, с. 250) Ф.П.Филина почему–то не попал зафиксированный неоконченным академическим "Словарем русского языка" (седьмое издание, т.1, вып.3. М.–Л., 1935, стб.459) областной глагол амбальничать "быть амбалом, носильщиком грузов" с литературным примером: " –Что, нравятся амбальничать? – спрашивали его рабочие, когда во время завтрака Гулам усаживался рядом с ними". (Н.Каграманов, Застрельщики. М., 1931, с.14).

Диалектизм амбал неоднократно этимологизировался, да-

же если не считать самых ранних народноэтимологических ошибочных соображений В.В.Григорьева, впрочем касающихся производного прилагательного анбальный (в значении существительного "рабочий, переносящий тяжести в анбары, или обратно"), но все эти этимологические соображения, лишенные конкретности, носили довольно схематический характер и требуют дополнений.

Противоречива этимологическая позиция И.Е.Гальченко, который включил в свой "Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа" (Орджоникидзе, 1975, с.23) слово амбал "грузчик, носильщик", как бы считая его северокавказским словом, но вслед за Ю.Н.Либединским сослался на закавказский азербайджанский язык как на источник, где данное слово как устаревшее представлено в форме хамбал "грузчик" (См.: Азербайджанско-русский словарь, изд.2. Баку, 1962, с.219).

"Словарь русского языка" (т.1, вып.3, М.-Л., 1935, стб. 459) дает о слове амбал краткую и сбивчивую этимологическую справку: "(тат. ambal из арабск. .)", - которая в "Словаре русских народных говоров" (вып. 1. М.-Л., 1965, с.250) преобразовалась в несколько неясную двусмысленную модификацию: "Тат. амбал, осетин. ɣmbal". Следует, однако, отметить, что наиболее распространенные татарские словари (толковые и двуязычные) этого слова не приводят, поскольку это слово известно лишь у астраханских татар (Согласно сообщению Р.Х.Ажалиева).

Что касается привлечения сюда осетинского ɣmbal, то оно (безотносительно к русскому диалектизму амбал, но применительно к его аналогам на Востоке) было решительно отвергнуто В.И.Абаевым с предложением правильного арабского первоисточника: "С распространенным на переднем Востоке ambal, amal, hamal (из араб. hammal) 'рабочий' ос. ɣmbal ничего общего не имеет, вопреки Morgenstierne"¹⁷.

Русское диалектное название грузчика, носильщика амбал восходит в конечном итоге к арабскому существительному حَمَال ХАММАЛ с тем же значением от глагольного корня خاملا "носить", к которому восходит и прошедшее через латинское посред-

ство слово амулет¹⁸.

К нам слово амбал попало через какое-то тюркское посредство.

В тюркских языках арабизм хаммал получил довольно широкое распространение, поэтому сведения "Опыта этимологического словаря тюркских языков" М.Рясянена о наличии этого заимствования только в турецком и половецком (Codex Cumanicus) языках: hamal, hammal следует дополнить узбекским хаммол "носильщик; грузчик", а также уже упоминавшимися туркменской и гагаузской формами.

Турецкий арабизм hamal проник в языки Балкан и соседних стран: новогреч. χαμάλος "1) носильщик, грузчик; 2) бран. грубиян, пошляк", румын. hamal "1) носильщик; 2) грузчик"; болгар. хамал(ин) "носильщик; носчик, грузчик"; македон. амал "носильщик"; сербохорв. (х)амал(ин) "носильщик; грузчик"; польск (XVI-XVII вв.) hamał = tragarz.

К той же арабской основе восходит и украинская фамилия Гамалея (укр. Гамал(я)), это слово также известно в наречительном употреблении гамалия "носильщик, раб", хотя восходит это слово к арабскому производному от названия حَمَال хаммал существительному حَالِيَة хаммалия "плата грузчику, носильщику", которое пришло к украинцам через турецкое и крымско-татарское посредство (тур. hamaliye "плата за переноску вещей").

При переходе в русское просторечие с расширением сферы употребления русский многозначный диалектизм амбал "грузчик, носильщик" изменил свое значение, не выдержав конкуренции с уже имевшимися в русском языке синонимами: устаревшими дряпиль, крючник, носитель, активно употребляющимися сейчас грузчик, носильщик, носчик, просторечным носок и "элегантным" иностранцем докер. Впрочем, последнее обозначает только грузчика в морских портах, да и то преимущественно иностранных. У слова амбал в просторечии не сохранилось ни значение "грузчик", ни значение "носильщик", но зато переносное значение "сильный и рослый человек" широко употребительно в современной русской живой разговорной речи.

В качестве обозначения рослого и сильного человека ста-

рое местное название грузчика амбал стало употребляться приблизительно лет двадцать назад:

Современные пятнадцатилетние "лбы", как называли их прежде, и "амбалы", как зовут их нынче, соответствуют вчерашним семнадцатилетним. (В. Аграновский. Ответ "Карасю" - Комсомольская правда, 10 декабря 1970 г.)

Петя такой у нас был, здоровенный амбал. (М.С. Глинка, Горизонтальный пейзаж. Л., 1983, с. 56).

В некоторых случаях слово амбал совмещает старое и новое значение, что и дается в подстрочных пояснениях:

Второй - старший лейтенант - напомнил мне отчасти За-лаклавского амбала* - Башку, портового пьяницу, который, подвыпив, брал глиняные кувшины за ручку и разбивал их о свою голову, к удовольствию таких же, как и он, придурков. Башка был, пожалуй, приземистее и выглядел, разумеется, иначе, но в лицах у них было немало схожего, и этого старшего лейтенанта я тут же для себя окрестил "амбалом". (О.В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого). М., 1980, с. 341, Сноска в конце страницы: Амбал (или амбалный) - портовый грузчик. В более широком смысле - рослый, физически сильный человек).

В современной русской речи города Астрахани, по любезно сообщенным Э.В. Копыловой сведениям, слово амбал сейчас употребляется в несколько отличном значении: "Я знаю его в таких выражениях, что я тебе амбал? Нашла амбала! Значение даже не "носильщик", а "слуга", хотя и в значении носильщик тоже. Вернее всего так: "Человек, на которого можно свалить какие-либо трудности, тяжести в том числе, а, может, и в первую очередь".

Изменение значения ^(названия)арабского грузчика имело место и в других языках, причем эти изменения происходили довольно быстро. Это можно проследить на материале персидско-русских словарей.

Если изданный впервые в 1914 году "Персидско-русский словарь" М.А. Гаффарова (т. I, М., 1976, с. 267) отмечает у арабизма حامل хаммал в персидском языке лишь одно значение: "носильщик", то новейший "Персидско-русский словарь"

(т. I, М., 1970, с. 518) показывает это слово многозначным: حامل 1) носильщик, грузчик; 2) человек, исполняющий тяжелую работу (за других или за ничтожную плату); 3) недо-тепа; 4) балка; перекладина; стропило; тех. ферма.

Следовательно, русский язык в истории знал два слова амбал: 1) личное имя ключника Андрея Боголюбского ясина (буртаса?) Амбал аланского происхождения в XII веке и 2) современное просторечное название сильного и рослого человека амбал, восходящее к названию грузчика и носильщика в арабском языке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960, с. 105-111; Булатов А.Б. Антропонимы у болгар. - Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при Совете министров Чувашской АССР, вып. 47. Чебоксары, 1969, с. 249. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978, с. 87-89.

2. Последнее издание с библиографией: Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987, с. 110-111; ср. также: Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902 (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVШ, вып. 1-3), с. 94; Тарзиманов Ф.В. Могильники близ деревень Ст. Баран и Ташбильгэ. - Вестник научного общества татароведения, № 8 Казань, 1928, с. 175.

3. Последнее издание с библиографией: Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987, с. 166-167. Ср. другие издания: Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902 (=Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVШ, вып. 1-3), с. 94-95; Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка - Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983, с. 16-16; Тарзиманов Ф.В. - Вестник Научного общества татароведения, № 8, Казань, 1928, с. 175.

4. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, с.45; ср.188: Аmbal, Аmbal. Последние чтения оставлены совершенно в изданиях текстов и в указателе в книге: Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987, с.110-166, 180, но в интерпретации на с. 33 все-таки попадают прежние чтения с начальным А-.

5. Булатов А.Б. Личные имена у древних булгар (VI-XVI вв) - Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1971, с.80; Шайхулов А.Г. Хронологизация исторических пластов имен тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона - Имя-этнос-история. М., 1989, с.68.

6. Полное собрание русских летописей. т.2. Ипатьевская летопись. М., 1962, стб. 586, 590. В издании Археологической комиссии "Летопись по Ипатскому списку" (СПб., 1871, с. 398, 401) представлено унифицированное написание Аmbаль.

7. Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись... М., 1962, стб. 369 (л.124 об.).

8. Миллер В.Ф. Осетинские этюды, ч. III (=Ученые записки имп. Московского университета. Отдел историко-филологический, вып. 8). М., 1887, с.68.

9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с.135. Новую интерпретацию Зеленчукской надписи см.: Бязыров А.Х. Осетинская родословная X века. - Осетинская филология, вып. 2. Орджоникидзе, 1981, с.3-5.

10. См. об этом подробнее в моих статьях: 1) Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. - Советская тюркология, 1980, № 2, с.21-29; 2) Этимология этнонима буртас. - Ономастика Поволжья [вып.5]. Саранск, 1986 с.119-129; 3) К этимологии мордовского названия березы. - Этимология 1985. М., 1988, с. 165-170.

11. Эти сведения популяризировал П.Г.Бутков в своей статье "О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII веке". (Северный архив, 1825, № IV, с. 326-327): "Но мы имели Летопись, содержащую в себе известие, что у Боголюб -

ского, по смерти Кучковой, была вторая жена Ясыня; что она, вместе с любимцем князя ключником его Ясыном же Амбалом, участвовала в убиении своего супруга, и за то Князем Всеволодом утоплена в озере Клещине, а Анбал повешен". См. примечание на с.332: "Ист. Рос.Татищ. кн.Ш, 216,425, по ссылке на рукопись Еропкина, упоминаемую Татищевым в кн. I, ч. I, 64; Ежемес. Соч. на январь 1755 (с.137) Имя Анбала и теперь употребительно у осетинцев".

12. Туркские языки в подавляющем большинстве не знают звука ф, подменяя его в заимствованиях губным же б (реже п).

13. Виноградов В.Б., Голованова С.А. Страница русско-кавказских отношений XII века. - Вопросы истории, 1982, № 7.

14. Сводный "Словарь русских народных говоров" (вып. I. М.-Л., 1965, с. 234, 110, 53) отождествляет эти данные с материалами рукописи П.Ф.Кузьмищева "Собрание особых слов, употребляемых в Астраханской губернии и на Каспийском поморье" (1840, 19 л. - Архив АН СССР, фонд 216, опись 4, № II), что было напечатано в "Астраханских губернских ведомостях" в 1841 г. (№ 2-4, 6, 8, 12-14, 16 в неофиц. части), будучи перепечатано из прибавлений к "Московским ведомостям" 1841, № 12-13, 1842, № 21 (так указано на с. 23 "Словаря").

15. Григорьев В.В. Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к Опытному областного великорусского словаря. - Прибавления к "Известиям по Отделению русского языка и словесности имп. АН", т. I, СПб., 1852, стб.15 (=Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. I, СПб., 1854, стб.15).

16. Книга Персидских товаров 1663-1665, л.87.

17. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I М.-Л., 1958, с.135; Morgenstierne Georg. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927, p.43. В транскрипции арабского первоисточника В.И.Абаев допускает неточность: вслед за Г.Моргенштерне (у последнего ошибочно назван персидский первоисточник) он не передает геминации инлаутного согласного.

18. Иным путем попал в древнерусский язык форма множ. числа от этого же слова амагил, бывшая в ходу у нас в XIII в. и означавшая "дляжку, которую носили на перевязи".